

Мы давно не встречались. Если быть честным, то более десяти лет. Срок немалый, за который во взаимоотношениях «МК» с Леонтьевым происходило множество самых невообразимых катаклизмов. Разве что до рукопашной с фэнзми В. Я. не доходило.

А почему бы нам не встретиться вновь? Тем более что есть повод. Во-первых, мы пригласили Валерию принять участие в юбилее «ЗД». Во-вторых, у Леонтьева никогда еще не было сольных спектаклей в таких огромных столичных залах, как «Олимпийский». В-третьих, за последнее время Леонтьев предстал перед слушателями в новых гранях, а его нынешний репертуар представляет немалый интерес для огромной зрительской аудитории. В-четвертых, если вспомнить все последние теле- и радиointервью Валерия Яковлевича, то он просто очень интересный собеседник. И последнее — надо же наконец расставить все точки над «i» и выяснить, что нас разлучало последние 10 лет.

ИТАК, с места в карьер. Сразу догвариваемся, что переходим на «ты», и я задаю первый вопрос «люб-люб».

— Что тебя как артиста сегодня волнует больше всего?

— До 30 — ты молод и весел. В 40 — ты оцениваешь жизнь, как она есть. После 50 преодолевают болезни. После 60 — голова плохо работает — это мы можем видеть на примере наших бывших политических руководителей. И диапазон, когда человек находится в хорошей физической форме, когда его дух накопил определенный жизненный опыт, до смешного мал. Особенно для людей, занимающихся творчеством. Поэтому хочется как можно больше о самом себе узнать, как можно больше себя проявить и в том, и в этом, и в другом... Если бы было много жизней, то в одной можно было бы быть певцом, в другой — архитектором, в третьей строить самолеты. А тут нужно за этот короткий отрезок успеть как можно больше.

— И сколько же лет ты на сцене?

— Если говорить, сколько лет я зарабатываю на жизнь пением, то с 69-го, а с 73-го года я в филармонии. До этого я пел в ресторане. Значит... 17 лет. Прилично, да?

— Прилично. А сколько стукнуло?

— Сколько мне?... 41 год. Поэтому нужно думать о том, чтобы выявить какие-то еще свои возможности.

А что касается вообще жизни, то это может показаться странным, но меня всегда во все времена (а сейчас наиболее остро встал сей вопрос) угнетала межнациональная рознь и неприятие человека одной нации человеком другой. Мне всегда казалось фантастикой — как можно не любить человека за то, что он еврей, или за то, что он грузин, или за то, что чукча или еще кто-то. Мне абсолютно безразлично, где человек родился, кто были его родители. Мне важно, что он представляет собой как личность.

Что касается жанра? Когда-то в старые времена существовал определенный, очень узкий круг исполнителей, певцов, музыкантов, которым был открыт доступ к средствам массовой информации — ТВ, радио, прессе, центральным концертным площадкам. Всем остальным же пришлось зарабатывать на жизнь. Разумеется, это было плохо, это создавало гигантские препятствия и трудности на пути молодых, талантливых людей, которые хотели себя реализовать. Но наступили времена, когда эти препоны исчезли и начался лавинообразный процесс реализации своих возможностей всеми, кто только этого пожелал. Сегодня редкую неделю, даже день, включая ТВ, не увидим новую фамилию. Наверное, это хорошо. Но, с другой стороны, огромное количество продукции, которая просто не интересна. И что меня особенно настораживает, — это всепоглощающий эгоизм, когда свой вкус ставится во главу угла. Только мои привязанности правильные и верные, все остальное пустое и бесценное. Мне кажется, человек должен несколько иначе относиться к чувствам и привязанностям другого. Нельзя напрочь отрицать то, что не нравится тебе, но не нравится другому.

— Ты имеешь в виду вкусовщину редакторов радио и прессы?

— Нет, я как раз хотел говорить в более широком масштабе. Вкусовщина была и будет. Как бы редактор ни старался быть беспристрастным, он все равно остается живым человеком, все равно ему кто-то нравится, кто-то не нравится. Другое дело — не дает он хода человеку, который ему лично не нравится. Это особый мир.

Значит, ты говоришь о том, что творится среди поклонников?

— Да, особенно среди поклонников. Я говорю об отношениях в зрительских массах и в среде музыкантов — друг к другу.

То, что наблюдается на стенах «Олимпийского» — на одной стене: «Ласковый май» — хорошо, Дитер Болен — плохо», на другой — наоборот.

Более того, журналисты нередко в интервью создают ситуацию, когда интервьюируемый человек должен невольно отыскиваться о каких-то своих коллегам. Мне кажется, журналисты просто не имеют права так провоцировать. Артист не

должен говорить плохо о своих коллегах. Плохо о нас другие скажут. Для этого найдется множество недоброжелателей.

— Тут я с тобой не согласен. Советский зритель устроен так, что любой скандал резко повышает популярность артиста. Так было с Пугачевой, «Ласковым маем», «Машинной музыкой»...

— Да, скандал — один из двигателей рекламы. Но я говорю о другом: артист никогда не должен думать плохо о коллеге. А если говорить о скандале как о способе рекламы, я никогда не прибегал к этой ситуации, хотя их у меня было сколько угодно. Можно было их создавать, раздувать. Наоборот, я всегда избегал конфликтных ситуаций и в любой ситуации старался вести себя достойно и прилично и не использовать такие моменты для поднятия интереса к себе.

Мы вышли на довольно болезненную тему: создание имиджа, создание популярности в средствах массовой информации. Как ты относишься к тому, что не

Валерий ЛЕОНТЬЕВ:

«НРАВИТСЯ ВСЕМ ПРОСТО НЕВОЗМОЖНО»

только молодым, но и опытные артисты пытаются пробиться к славе за деньги? Вообще в цивилизованном мире реклама всегда делалась и делается за деньги. А за что же еще? За красивые глазки, что ли? Покажите мне хоть одного крупного продюсера, который плевался тем или иным артистом или артисткой и начинает делать ему (ей) карьеру за свои собственные «бабки». Вложение капитала в шоу-бизнесе просто необходимо.

— Если не секрет, сколько денег в твоём «предприятии» вкладывается в рекламу?

Вкладывается, скорее, труд и беготня. А если ты имеешь в виду, приходилось ли мне платить где-то на ТВ и в другом месте, чтобы попасть в программу, я смело могу ответить, что я никому не дал ни рубля. И, может быть, именно поэтому мне было так трудно в конце 70-х и начале 80-х. Кто знает. Но я должен сказать, что мне на моем пути попадались люди и на ТВ, и в прессе, и на радио, которые понимали меня, и поддерживали, и порой даже имели огромные неприятности в связи с этим. Слава богу, меня жизнь не сталкивала со взяточниками и необходимостью давать кому-то деньги, краснее при этом.

А вообще в организационном плане без «бабок» ничего быть не может. Не может быть ничего стоящего, если у тебя не будет света, хорошего звука, хороших костюмов.

— А нет мысли создать свой музыкальный центр? Сейчас модно.

— Во-первых, мы и так недавно отделились от филармонии. У нас достаточно независимая студия со своим банковским счетом, свое предприятие.

Куда бы ты ни ехал, надо нести определенный уровень, иметь определенную планку и опускаться где-нибудь в связи с тем, что ты оказался где-нибудь в Оренбурге, в зале на 800 мест.

— Встаёт еще другой вопрос: не всегда есть возможность отработать концерт живую. Всякие ситуации бывают...

— Провокационный вопрос, но это исключается. «Фанеру» я не приемлю и никогда так не работал.

— То есть ты можешь напрочь опровергнуть все слухи о том, что у тебя такая качественная фонограмма, что ее невозможно отличить от живого звука?

— Да. Я берусь это утверждать. На всех гастролях я имею массу неприятностей с голосовыми связками. В каждом городе практически не выезжаю от врача — утром вливания, вечером вливания. Пою всю жизнь живьем. Я делал операцию — у меня уже была опухоль на связках — срел, скоро новая появится. Пора уж...

И потом, фонограмма очень неприятное чувство. Даже когда на ТВ снимаешься. Ведь на пленке задерживается слеток твоего состояния — тогда, когда ты пел. Можно подбить артикуляцию, можно все подогнать точно, а чувства при этом испытываешь совершенно другие. Вот и получается борьба с самим собой, с тем, который спел это раньше.

А вообще — это тема. С одной стороны, я понимаю людей, «фанерой» зарабатывающих себе на жизнь. За 73 года Советской власти артисты впервые появились в жизни, заработали большие деньги. Все и кинулись. Стали использовать фонограммы, чтобы побольше было концертов, чтобы успеть хоть что-то заработать, пока не случилась реформа, и вложить деньги в аппарат, что-то приобрести для дома. Смешно говорить о системе оплаты нашего труда в прежние годы. Я в 79-м на стадионе работал за 13 рублей за концерт!

— И все-таки как бы ты охарактеризовал фонограммное пение? Малинин сказал — это «смерть артиста».

— В принципе я с ним согласен. И потом, очевидно, терпится необходимость как-то петь иначе, что-то придумывать, возникает страх перед живым пением.

Теперь поговорим о хит-парадах. У нас есть нет. В «Вечерке» ты — № 1, а хит-параде ТАСС — тоже. Как ты думаешь, почему?

— Ну, я думаю, «ЗД» читает и слушает одна какая-то категория слушателей, «Вечерку» — другая. «Тассовскую» — какая-

то еще. Очевидно, читатели газет все-таки подбираются по интересам, по вкусам.

— Ты веришь в хит-парады?

— Я надеюсь, что все это происходит честно, без какого-то муляжа. А если это не так, зачем это нужно вообще? Получается, кто больше забашлял, тот и лучше? Теряется всякий смысл.

— Если в хит-параде ТАСС ты — номер 1, и это объективная реальность, значит, ты на сегодняшний день — исполнитель № 1 в стране?

— Ведь огромное количество людей и не участвуют в хит-парадах. У них есть любимый исполнитель, любимые песни, но это не значит, что они ежедневно бросаются к перу и бумаге и отправляют открытки в разные издания. Многие люди молча уважают и любят кого-то и ходят на концерты, не прибегая при этом к помощи почты. Мне кажется, что играет в эти «игры» в основном молодежь, люди определенного возраста, отправляя свои симпатии — голоса — целыми группами или поодиночке. И в известной степени, наверное, это от-

проданы с сидячим партером. Молодежь рвется вперед. Их не пускают. И что это за концерт, когда на каждом ряду по миллионери с дубинкой?

На мои концерты приходят и дети малые, и молодежь, и люди 30—40 лет, и гораздо старше. Я никогда не ставил целью петь для какой-то определенной возрастной категории. Может быть, потому, что я всегда больше старался петь о вечном, чем о сегодняшнем. И сегодня, может быть, как никогда, принципиально просто выбросил из репертуара все вещи, которые как-либо отражают сегодняшнюю ситуацию в обществе. Зачем петь о том, о чем можно прочитать в газете, услышать по ТВ — начиная со «120 минут» и кончая ночной ТСН. Негативная информация постоянно обрушивается на зритель со всех сторон — все у нас плохо, плохо, плохо. Все песни так называемого социального

дей, с которыми я работаю и испытываю к ним огромную благодарность: это Олег Газманов, Сергей Крылов, это люди, которые поют сами и дают мне свои песни, это пример хороших человеческих отношений между певцами, артистами. Тальков вчера дал мне песню, говорит: «Я думаю, я не сделаю ее так, как ты. Спой лучше ты».

— Как ты думаешь — это от души или попытка стать более популярным за твой счет?

— Я думаю, каждый художник хочет, чтобы его работу увидело и услышало как можно больше людей. Поэтому композитор, написав песню, отдает ее мне. Это естественный поступок, когда песню отдают известному, популярному человеку. Это лучше, чем писать песню неизвестно для кого.

— Что особенного в той программе, которую увидят зрители сегодня, завтра и послезавтра в «Олимпийском»?

— Я собрал туда и старые вещи — раскрученные, и то, что сейчас репетируется — еще нигде не пелось. Я хочу, чтобы люди с концерта ушли в приподнятом настроении, забыв свои тревоги, тривиальные заботы дня. Хочу растормозить человеческую душу и соскоблить с нее копыт будней.

ражает истинное положение вещей. Хотя я не уверен в том, что кассовость или ведущее место в хит-параде — это не временные спутники таланта. Это вовсе необязательно. Я знаю талантливых, очень способных людей, которые совершенно не фигурируют в хит-парадах, но имеют огромные потенциальные возможности.

Во всем мире то же самое. Существует миллион прекрасных групп, которые никогда не поднимались в хит-парадах высоко, хотя играли прекрасную музыку. Но специфическую, любимую определенной, довольно узкой аудиторией.

Да, здесь мы приходим к теме о том, что музыка должна быть одновременно и доступной, и в то же время не скатываться в трем аккордов, не быть дешевой. Вот как соблазнила эту грань коммерции и творчества — это очень серьезный, сложный и болезненный вопрос. Нас так приучили, что мы многие годы шаркались от слова «коммерция», если оно как-то связано было с искусством. А мне кажется, что это отшибло. Искусство должно нести в себе элемент коммерции. Оно должно нравиться массам.

— Люди тратят деньги, чтобы увидеть, а ты получаешь деньги за то, что ты не снеси это искусство.

— Да. Неси свое искусство, свой талант, но так, чтобы это было приемлемо, чтобы это было доступно, но чтобы это можно было назвать творчеством, а не по готовому рецепту слепанный хит.

— Возрастной ценз твоей аудитории?

— Я ведь начинал петь очень давно. И люди, которые тогда узнали меня и полюбили, к счастью, и сегодня помнят и любят меня.

— Каким ты видишь своего зрителя?

— Я его на каждом концерте вижу. И я даже наблюдал очень неприятные для меня вещи, когда молодяк, который полюбил меня за какие-то определенные вещи, рвется танцевать, а половина людей пришла слушать и молча, неподвижно внимать — начинается в зале очень тягелая атмосфера. Особенно если билеты

звучания — просто блеф какой-то. Человек задыхается в этой среде. Об этом целые разговоры, а вечером еще и поется. Да причем как? Искусство в чем? В том, чтобы поднять обыденное до вечного. С этой точки зрения Шекспир был конъюнктурщиком и Лев Толстой тоже, потому что Шекспир обличил в «Ромео и Джульетте» дикие общественные и социальные нравы своего времени, а Лев Толстой заклеймил войну 1812 года. Но они это сделали гениально. И подняли быденное до вечного, до настоящего искусства.

— У тебя есть сложности с репертуаром?

Они всегда были. При всем обилии нассет, которые приносят авторы, клавиров, которые присылают, — всегда существует дефицит так называемой «чистой» песни. Это понятие довольно ватрепанное, потому что говорит — «самая лучшая песня еще не спета», самая лучшая еще впереди. И как это ни банально звучит, тем не менее эта надежда никогда тебя не оставляет. Всегда идешь такую песню. Поэтому этот дефицит музыки всегда существует. Несмотря на то, что у меня дома огромный картонный ящик, в котором лежат нассеты и ноты. Все это я переслушиваю, и среди этого находится материал. Я не хочу сказать, что все остальное плохо. Так находят вещи, в которых удается самовыражаться. Так «Ворона» наша, обруганная в вашем хит-параде. Совсем недавно в Иркутске принесли ребята, которые играют на дискотеке, и вдруг принесли потрясающую философскую вещь — «Молитву», исполненную мною на Чернышевском телемарафоне.

— А песни Талькова тоже были в этом «ящике»?

— Нет. С Тальковым мы познакомились года 2—3 назад, он мне предложил «Забитованные лбы», ряд других песен. И с тех пор мы поддерживаем отношения. Я хочу назвать и других лю-

— Ты не так уж редко выступаешь в Москве. Тебе эти концерты интересны?

— Да. Мне интересно. Во-первых, я сольно еще никогда не пел в «Олимпийском». Работал только отделение. А во-вторых, альянс с «ЗД» мне тоже интересен. Я думаю, что это может быть перспективным.

И потом, порой мы забываем, что работаем для людей. Мы теряем главную задачу, копясь в профессиональных мелочах, ожидая оценки коллег.

Хотя я считаю, что и зритель артисту что-то должен, кроме тех 3—6 рублей, которые он заплатил. Может, мои претензии непомерны, но мне кажется, что зритель должен отдать частицу себя, обратная связь должна как-то существовать. Ты вытряхиваешь из себя все, что у тебя есть.

Если ты так себя расходуешь, то совершенно естественно ждать хоть маленькой эмоции, отдачу от зала. Когда это происходит, появляется сил еще больше.

— Твои отношения с прессой?

— Мне кажется, что журналист — это тот человек, который будет рассказывать людям, какой ты есть, это ухо народа, поэтому ему нельзя врать. Поэтому я веду себя с журналистами достаточно искренне и никогда никому не отказываю, будь то начинающая девочка-внештатница или корреспондент солидного издания.

Кроме поклонников кто-нибудь собирает прессу, которая выходит к тебе? Я сам собираю, но неактивно — складываю то, что мне попадает, что мне приносит.

Фэн-клубы за этим тщательно следят. У них отрывты первые публикации в прессе, есть список песен, которые я, рассматривая, не мог даже вспомнить, когда это было, в каком году. Наверное, это та полезная работа, которую они делают.

— А ты им как-то помогаешь?

— К стаду своему, очень мало. Наверное, это нехорошо, что я ни разу не был ни в одном клубе, но я объясню, почему я этого не делаю. Я испытываю страшное чувство неловкости от этого поклонения, мне кажется, что это нехорошо. Любить артиста до такой степени, чтобы при жизни вывешивать его «старые костюмы» или вот так тщательно следить за его судьбой. Я испытываю неловкость и делаю вид, что это не про меня.

— Насколько я знаю, самое первое интервью с тобой было опубликовано в нашей газете.

— Это было мое первое московское интервью — в 79-м году. Редактором был Лева Гуцин. Я это прекрасно помню.

— Тебе нравится жанр, в котором ты работаешь?

— И негодуюсь на этот жанр, и в чем-то радуешься, но, с другой стороны, трудно винить его в чем-то, поскольку за рубежом это существует уже много десятилетий, вся эта индустрия, которая делает этот жанр, создает его, холит, лелеет, выращивает. А у нас совсем недавно это все просто гноилось, все просто каргалось, было запрещено. Чего же ждать хорошего? Должны пройти десятилетия, прежде чем уровень поднимется достаточно высоко — и исполнительский, и слушательский. Я помню, на мои концерты приходили комиссии в черных костюмах и требовали напечатанные тексты. Я никогда не принадлежал к числу тех исполнителей, которые пели крамольные стихи, ругали существующий строй, бюрократический аппарат. Что же их раздражало? Наверное, мое ощущение внутренней свободы и раскованности. Это я только сейчас начал понимать.

Жанр последние 20 лет не выращивался, а уничтожался. Каких же замечательных достижений мы сейчас ждем?

— Ты богатый? Не духовно, а материально?

— По сравнению с прежним Леонтьевым — я богатый, по сравнению со звездами — я нищий.

— С советскими звездами?

— Понятие «советская звезда» вообще отрицаю. Звезды это там. А у нас это звучит издевательски. У них есть дома, машины, виллы, яхты и т. д. А у нас? Как я шел к своей московской квартире? Это просто же кровавая поступь. Все сделано путем обмена. И результат очень далек от того жилища, в которое мне хотя бы было не стыдно позвать своих коллег. Двухкомнатная квартира с 5-метровой кухней, без прихожей в разваливающемся доме. И ничего другого ни за какие деньги не получишь.

— Машина?

— Купил в прошлом году 24-ю «Волгу».

— С ГАИ в конфликты вступаешь?

— Нет. Зачем создавать ситуацию, при которой если не тебя убьют, то ты кого-нибудь убьешь? Я очень спокойно езжу.

— Твои хобби?

— Кино, Видеомак. Книжки и немного спорта — общефизическая подготовка, я очень люблю все, что связано с водой, может, потому, что по знакам Зодиака — «Рыба». Как только можно залезть в воду, я это делаю, и где можно, и где нельзя — с самого раннего детства.

— Ты курить пьешь?

— Нет. Вообще. Уже пять лет.

— Это связано с творчеством?

— Да. Это связано с тем, что я очень много пил и настал момент, когда надо было выбрать — или петь, работать хорошо, или предаться с кайфом процессу пиятия. Два дела хорошо не получались. Я выбрал.

— Твои любимые цвета и любимые цифры?

Цифры — нечетные. Люблю нечетный ряд. А цвета — яркие, естественные цвета, которые предлагает нам природа, — зеленый, который почему-то вызывает у меня ностальгию, цвета моря, песка, неба.

— Если бы было можно, во что бы ты вложил деньги?

— Квартира, аппарат, собака.

— А почему собаку не покупал?

— Это очень проблематично. У собаки должен быть хозяин, а какой из меня хозяин, если я веду ночевой образ жизни.

— Тебя популярность не гнетет?

— Я не пользуюсь ее услугами.

— И еще несколько вопросов, если тебе позволит время. Твои родители живы?

— Мать жива. Она со мной. А отец у меня умер в день, когда я выиграл Всесоюзный конкурс в Ялте в 1979 году. Вот так сложилось — он даже не узнал. Он никогда не подталкивал к этой профессии и не препятствовал мне. Но, я думаю, он внутри переживал, потому что я уже 10 лет зарабатывал на жизнь пением и никто меня не знал.

— А мать чем занимается?

— Ей 83 года. Чем она может заниматься? Читает, смотрит ТВ. Меня ругает — не то надел, не так подпрыгнул.

— Братья, сестры?

— Сестры у меня есть. Одна на Украине, одна в Анапе. Надеюсь, их, как и всех читателей любимого «Московского комсомольца», увидеть на концертах в «Олимпийском». До встречи.

Дмитрий ШАВЫРИН.

Фото Александра АСТАФЬЕВА.